
В комнате царил образцовый порядок. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь оконный переплет, ложились ровными полосами на поверхность стола. Лу Чуань стоял перед ним, почтительно склонив голову; напротив него замер учитель Цинь.

Сегодня юноша пришел с доброй вестью: приближалась свадьба, и наставник должен был узнать об этом одним из первых.

Учитель Цинь был, пожалуй, самым близким человеком для прежнего владельца этого тела, не считая родителей. Он знал своего ученика как облупленного.

С тех пор как молодой человек поправился, письма от наставника приходили регулярно. Сначала учитель Цинь утешал его, призывая не принимать близко к сердцу провал на провинциальных экзаменах. Позже — настойчиво советовал не забрасывать книги, даже если приходится трудиться ради куска хлеба.

Этот человек искренне заботился об ученике. Сам Лу Чуань, еще не до конца освоив каллиграфию своего предшественника, не решался писать ответные письма — он лишь передавал через знакомых, что у него всё в порядке.

Однако помолвка была делом серьезным. Тот посчитал, что обязан явиться лично.

Он прекрасно понимал: как только они встретятся, учитель Цинь непременно устроит ему проверку. Несколько дней Лу Чуань провел за книгами, зазубривая старые работы и комментарии предшественника, и лишь когда почувствовал, что готов держать удар, отправился в школу.

Экзамен оказался тяжелым. Когда юноша, запинаясь, закончил отвечать на последний вопрос, в комнате повисла тяжелая тишина.

Он боялся даже вздохнуть. Он кожей чувствовал недовольство и разочарование, исходящее от наставника.

Спустя долгое время учитель Цинь тяжело вздохнул:

— Похоже, заботы о хлебе насущном совсем не оставили тебе времени на книги. Ты изрядно запустил учебу.

Тот пристыженно опустил голову. Если бы наставник знал, чего ему стоило выдать хотя бы эти

крохи знаний!

Изначально учитель Цинь планировал дать ученику письменное задание, но Лу Чуань сослался на то, что во время полевых работ повредил руку и теперь с трудом держит кисть. Пришлось перейти к формату устного опроса, и результат, как и следовало ожидать, оказался плачевным.

— После экзаменов я долго пролежал в горячке, — тихо оправдывался Лу Чуань. — А когда встал на ноги, пришлось крутиться, чтобы не умереть с голоду. Времени на чтение и впрямь почти не оставалось.

Учитель Цинь знал о его бедственном положении, а потому не стал сурово отчитывать.

Пусть он и освободил Лу Чуаня от платы за обучение, но бумага, тушь и кисти стоили немалых денег. Нельзя требовать от человека учености, если он падает от голода.

Наставник решил не развивать эту тему и сменил направление разговора:

— Заметил, однако, что ты стал куда спокойнее. Нет больше той былой напряженности, что снесла тебя перед провинциальными экзаменами. Пожалуй, это к лучшему.

Лу Чуань, только и мечтавший поскорее закрыть вопрос с проверкой знаний, поспешно подхватил:

— Должно быть, работа в поле пошла мне на пользу. Тело окрепло.

«Пусть даже это поле — всего пара грядок с овощами»

— Я знаю, что ты не из тех, кто заходит без повода. Столько писем осталось без ответа, ты и носа сюда не показывал, а тут явился. Зачем? — Лицо учителя Циня приняло привычное строгое выражение.

Лу Чуань мягко улыбнулся и, достав из-за пазухи приглашение, почтительно протянул его обеими руками.

Письмо он заказал у опытного каллиграфа. Собственный почерк Лу Чуаня хоть и перестал напоминать куриные каракули, всё еще был недостаточно изящным для подобных случаев.

— Ваш ученик женится через два месяца. Прошу вас, учитель, окажите мне честь своим присутствием.

Учитель Цинь подумал, что Лу Чуань и впрямь достиг того возраста, когда пора обзаводиться

семьей. Принимая свиток, он поинтересовался:

— И из какой же семьи твоя избранница?

— Учитель, — почтительно ответил Лу Чуань, — мой суженый — гээр из поместья хоу Юннин.

Наставник нахмурился:

— Поместье хоу Юннин? Гээр?

— Именно так, — подтвердил Лу Чуань.

Морщины на лбу учителя Циня стали глубже.

— Кто из старших договорился о таком браке?

— Я сам согласился на это, учитель.

— Неужели ты не понимаешь? — Голос наставника стал серьезным. — При дворе сейчас беспокойно. Гражданские и военные чины открыто враждуют. Связав себя узами с поместьем хоу, ты навсегда примкнешь к лагерю военачальников. Для гражданского чиновника это означает конец всякой надежде на карьеру.

Лу Чуань низко поклонился:

— Ваш ученик всё это осознает.

Учитель Цинь долго всматривался в его лицо, но в конце концов лишь беспомощно произнес:

— Раз ты всё понимаешь и принимаешь последствия, мне нечего добавить.

Лу Чуань просиял.

— Благодарю вас, учитель!

Ознакомившись с приглашением, учитель Цинь убрал его, пообещав прибыть на торжество. Немного помолчав, он добавил:

— Обретя такую родню, как поместье хоу Юннин, ты, вероятно, больше не будешь знать нужды

в деньгах для учебы.

В те времена бедным ученым приходилось несладко. Если юноша подавал надежды, его семья старалась подыскать ему влиятельную родню, готовую оплачивать дальнейшее образование. Для учителя Циня такой практичный подход был вполне приемлем.

Лу Чуань был к этому готов. Поместье хоу заинтересовалось им только благодаря его званию сюэца — вряд ли их прельстило бы его жалованье в шесть лян серебра.

«Хватать зятя из списка сдавших» — обычай, где ключевым словом является «список». Чтобы соответствовать такому жениху, как Се Нин, он должен быть в числе лучших. Именно поэтому Лу Чуань в последнее время не выпускал из рук книги и заметки своего предшественника.

Лу Чуань не считал себя гением, но его память и интеллект были на высоте — иначе он не поступил бы в престижный университет в прошлой жизни. Сейчас он уже мог на память процитировать «Четверокнижие».

Семья Се была могущественной, и после свадьбы им с Се Нином предстояло жить в столице. Очевидно, что и учиться ему следовало в одном из столичных заведений.

Лу Чуань мучительно раздумывал, как бы помягче сказать учителю Циню, что он больше не будет посещать его уроки.

Деревня Хуаси, приписанная к городу Циншуй, находилась как раз посередине между ним и столицей, но её жители предпочитали ездить за покупками именно в главный город империи. Когда Лу Чуань только начинал учиться, будучи сыном простого крестьянина, у него не было возможности попасть в столичное заведение, поэтому он и пошел в школу учителя Циня в Циншуэ.

Учитель Цинь обладал степенью цзюйжэня. Его школа пользовалась уважением в городе, но по сравнению со столичными академиями она была лишь скромной обителью.

Прежде чем Лу Чуань успел заговорить, наставник заговорил сам:

— Изначально я планировал, что когда ты получишь степень цзюйжэня, я попрошу своих старых сокурсников рекомендовать тебя в академию Байфэн. Моих знаний хватит лишь на то, чтобы довести тебя до второй ступени. Однако на провинциальных экзаменах случилась беда, и без результата мне было бы неловко просить за тебя.

Академия Байфэн входила в тройку величайших учебных заведений столицы и принимала на обучение выходцев из простого народа.

— Теперь же, когда за твоей спиной стоит такое знатное семейство, ты и сам сможешь

получить рекомендацию в Байфэн. Я не вправе удерживать тебя в своей маленькой школе.

Несмотря на привычную суровость, Лу Чуань уловил в глазах учителя и печаль расставания, и искреннюю гордость. Когда учитель понимает, что дал ученику всё, что мог, он находит в себе силы отпустить его.

Лу Чуань совершил глубокий, исполненный почтения поклон. Учитель Цинь сидел неподвижно, принимая этот жест признательности.

Затем Лу Чуань объяснил, что, не имея родных, он вынужден сам заниматься подготовкой к свадьбе, а потому на время оставит занятия. Поисками подходящей академии он займется уже после того, как обзаведется семьей.

Наставник отнесся к этому с пониманием — его ученику действительно не на кого было опереться.

Попрощавшись с учителем Цинем, он вернулся домой. На душе было немного грустно. Его предшественник, пусть и потерял родителей, пользовался заботой учителя и старосты деревни.

Сам же Лу Чуань в своем современном мире при живых родителях чувствовал себя вечным скитальцем без дома и пристанища.

Тем временем в поместье хоу Юннин Се Нин изнывал под присмотром матери, которая взялась обучать его искусству ведения хозяйства.

Юноша со скучающим видом листал бухгалтерские книги, лениво щелкая костяшками счетов. Эта работа нагоняла на него нестерпимую тоску, но мать Се была непреклонна: он обязан научиться понимать отчеты и управлять поместьем.

Вслед за бухгалтерией должны были последовать уроки светского этикета: как принимать гостей и как правильно выбирать подарки.

«Зачем столько хлопот после свадьбы? — думал он. — Разве нельзя, как прежде, просто наслаждаться жизнью?»

Соппротивление рождало лень, и учеба продвигалась из рук вон плохо.

В комнату вошла мать Се:

— Нин-гээр, ну как твои успехи?

— Да никак, — протянул он.

Она сразу поняла, что сын просто отбывает повинность. Он был избалован с детства, и если что-то не вызывало у него интереса, он даже не пытался вникнуть.

Мать Се присела рядом и налила ему чаю. Се Нин отложил счета и осушил чашку одним глотком.

Женщина вздохнула:

— Нин-гээр, если ты не научишься управлять домом, кто будет присматривать за твоим приданым? Кто возьмет в руки дела семьи Лу?

— Матушка, ты ведь выделишь мне какую-нибудь опытную матушку для надзора за приданым, — небрежно отозвался он. — А что до семьи Лу... возьмем толкового управляющего из нашего поместья, и дело с концом.

Мать Се, не выдержав, легонько щелкнула его по лбу:

— Ах ты, горе луковое! Даже если у тебя будут самые преданные помощники, ты обязан сам разбираться в счетах. А если они окажутся нечисты на руку и начнут подделывать записи? Ты же ничего не поймешь!

— К тому же, в семье Лу нет старших, на чью помощь можно было бы рассчитывать. Всё ляжет на ваши плечи. Твой суженый должен учиться — ты ведь сама хотела, чтобы он сдал экзамен на цзиньши? Хочешь, чтобы он забросил книги и погряз в домашних дрызгах?

Се Нин вскинулся и возмущенно хлопнул по столу:

— Еще чего! Чжуаньюань или Таньхуалан — это уж как получится, но второй ранг он взять обязан! Иначе каково мне будет? Супруг какого-то захудалого сюэя... Да я же со стыда сгорю, когда в свет выйду!

Стоявший неподалеку Бай Юй едва сдерживал смех: мать Се знала, за какие ниточки дергать.

— Раз уж он должен штурмовать экзамены, — невозмутимо продолжала она, — то быт будет на тебе. Всё еще не хочешь учиться?

Се Нин отвел взгляд, не решаясь смотреть матери в глаза. Ему отчаянно не хотелось корпеть

над книгами, но и оставлять мужа без поддержки он не желал — Лу Чуань должен был учиться, не отвлекаясь на ерунду.

Видя, что сын засомневался, она решила нанести решающий удар:

— Когда он сдаст экзамен и станет чиновником, начнутся визиты и приемы. Если ты не будешь знать, как принимать подношения и что дарить в ответ, ты оскорбишь влиятельных людей.

— Счета еще можно доверить управляющему, но светские обязанности — это дело хозяина дома. Если суженый увидит, что ты ни на что не годен... — она замолчала на мгновение, — не боишься, что он введет в дом толковую наложницу, чтобы она заправляла делами? Сможешь это стерпеть?

Глаза Се Нина расширились от негодования:

— Да как он посмеет?! Он сам писал мне, что я буду у него единственным, и никаких наложниц не будет!

Благодаря регулярной переписке, Се Нин уже начал испытывать к Лу Чуаню симпатию. И теперь, когда в деле были замешаны чувства, он не собирался терпеть соперниц в доме.

Мать Се внутренне изумилась. Надо же, Лу Чуань, будучи всего лишь бедным ученым, нашел такие слова! Даже если это просто уловка, чтобы задобрить Нин-гээр, в этом чувствовалась его искренность.

Поняв, что нащупала верный путь, она мягко добавила:

— Раз уж он пообещал тебе верность, неужели у тебя сердце не дрогнет оставить его одного со всеми заботами?

Се Нин замолчал. Как ни крути, а учиться ведению дел придется — иного выхода не было.

Раньше, когда он был помолвлен с Лянь Инцзе, Се Нин тоже не желал учиться этим премудростям, и мать Се не настаивала — в конце концов, в семье Лянь была свекровь. Она думала, что со временем мать Лянь всему его научит, а пока просто дала бы сыну побольше толковых слуг.

Но судьба распорядилась иначе. В доме Лу Чуань был один, и Се Нин, как законный супруг, должен был стать опорой дома.

Придя к этому выводу, она отбросила всякую мягкость. Впрочем, женщина мастерски владела методом кнута и пряника. Увидев, что сын приуныл, она знаком велела служанке поднести

короб со сладостями.

Мать Се откинула крышку, открывая вид на любимые лакомства Се Нина: здесь были и пирожные «Белый нефрит», и печенье «Лотос», и ореховое печенье.

— Это матушка сама приготовила, угощайся.

Глаза Се Нина загорелись, он тут же потянулся за лакомством.

— Поешь, — ласково сказала она, — а потом займемся делом. Договорились?

Се Нин кивнул. Учебы не избежать, так что лучше смириться. Тем более, когда за это дают такие вкусные сладости.

<http://bllate.org/book/15313/1354400>